

*Посвящается моей племяннице Насте
с надеждой, что она полюбит читать
так же, как и мы все.*

СЕВЕРНЫЕ

ЗЕМЛИ

• РЕНСК

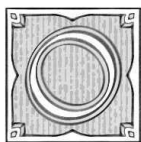
• ИЗРАНЬ

• НЬ

Пролог

— ставь дитя, князь.
— Да как я могу? — с надрывом спрашивает мужчина, прижимая к себе ребёнка, завёрнутого в тёплую, подбитую мехом накидку. — Жена уже и имя дала... Как можно оставить?!

— Не мы придумали правила, и это ради всеобщего блага. Так заведено давно, не одно столетие, — убеждает другой мужчина, с седой бородой, и в его взгляде читается искреннее сочувствие.

Он говорит от лица толпы, что собралась ради этого отвратительного обряда. Вроде всем известна причина, но дело всё равно грязное и неприятное. Они просто стискивают зубы и поступают как нужно.

Князь Дарий был уверен, что сможет поступить как должно, что будет твёрд и сдержан. Десятки родителей при отце его и во времена деда его поступали по правилам, а теперь эта несчастливая участь выпала самому Дарию. Он, как глава княжества, должен показать

всем, что и князья не противятся устоявшемуся порядку, что и он разделяет бремя со своим народом, понимая их горе. Однако в последний момент сердце его сжалось, он испугался, увидел стену темнеющего леса. Испугался и не захотел отдавать ребёнка, которому лишь двадцать один день от роду.

Не каждый год это происходит, но тёмная ночь зимнего солнцестояния у всех ассоциируется с вынужденной жертвой.

— Но ведь все подтвердили, что не наступил зимний период как положено! — не оставляет попыток князь. — Не по правилам это!

Дарий рассеянно оглядывает лица собравшихся, ищет поддержки, надеется, что хоть кто-нибудь вступится, но присутствующие молчат. Да и сам он был на их месте. Сколько раз в душе он хотел прервать обряд, но упрямо молчал, зная, что нельзя. Вот и остальные безмолвствуют.

— На волосы взгляни. Коснулся он ребёнка твоего, а рисковать нельзя, ты сам понимаешь, — чуть твёрже отвечает старец.

Сумерки уже наступили, голые ветви трясутся от холодного ветра, но дитя в руках отца не плачет. Сейчас по календарю зима, но землю укрывают почти полностью сгнившие листья, снега вокруг и в помине нет, а кожу шиплет воздух ноябрьский. Удивляется Дарий, что не кричит дитя его, спит себе спокойно, совсем не боясь холодов.

Нет весомых доводов, нечем оправдать своё нежелание расставаться с ребёнком. Должен

князь отступить и смириться, как делали остальные. Перед этим обрядом все равны.

Нехотя отдаёт он ребёнка мужчине, а тот, забирая, сочувственно глядит на Дария. Кладёт в плетёную корзинку и уносит, пока князь невидящим взглядом наблюдает за ним, не в силах что-либо сделать.

Отнесут ребёнка в лес, оставят корзинку там на ночь, и если прав окажется Дарий, а ночью будет относительно тепло, то на рассвете князь сможет забрать дитя своё обратно. Всякий родитель на это надеется, но не случалось так, чтобы враг ребёнка не забрал. Каждый раз корзинок с детьми к рассвету уже нет.

Уходят люди, оставляя новорождённую девочку. А та спит себе спокойно всю ночь, не привлекает нежелательного внимания криками и плачем, поэтому молодой мужчина находит её скорее случайно, подходит ближе всего за час до спасительного рассвета.

Красив он, силен, с гордой осанкой. Наклоняет голову, вглядываясь в лицо маленькой девочки, видит что-то особенное в ней, и в его светло-карих глазах вспыхивает оранжевый свет. Губы незнакомца растягиваются в улыбке, он тянет руку, предвкушая удачу, но другой мужчина перехватывает его ладонь.

— Не твоя она, — сухо говорит он.

— Ещё как моя. Невестой моей станет, я вижу это.

— Может, тебе она сроком предначертана, но лишь отчасти. Я पहले иду, я богаче и ярче. Отдай её мне, — ровным тоном парирует мужчина.

Улыбка первого становится опаснее, он вырывает руку из чужой хватки. Они пристально сверлят друг друга взглядами, пока их не прерывает насмешливое фырканье. Собеседники оборачиваются в сторону темнеющего леса, где, опершись плечом о ствол растущей неподалёку сосны, стоит третий. Все они схожего воз-

раста, но у этого посох в руке и волосы длинные, странного тёмно-серого оттенка, будто опалённый уголь.

— Прав твой брат, побогаче он будет, — поддерживает он.

— Тебе лучше не вмешиваться, проваливай в свою часть леса! — скалится в мрачной усмешке тот, кто нашёл девочку. — Как ты вообще сюда добрался?

— Легко. Ты не заметил, как ослаб, — пожимает плечами третий, а в его волосах отражается тусклый свет от медленно светлеющего неба. — Может, дитя ты и назвал своей невестой, но брат твой её отберёт.

Он переводит внимание на ребёнка в корзине, презрительно морщит нос, но не пытается приблизиться к девочке.

— Не будет этого, — отвечает первый, бросаая предупреждающий взгляд на второго мужчину. — Отступи, не будем ссориться, брат. Я не хочу тебя калечить.

— Колдун прав, — игнорируя предупреждение, кивает тот в сторону длинноволосого. — Ты слаб, она особенная, и муж ей нужен под стать, чтобы не смогла зима вернуться.

На последней фразе у колдуна вырывается сухой смешок, а первый мужчина сжимает зубы, вскидывает подбородок, и в его глазах вновь появляется опасный оранжевый блеск.

— Напомнить, что победу одержал именно я?

— Тоже мне победа, — прикрываясь приговорным кашлем, роняет колдун.

— Что ты сказал? — угрожающе тянет первый, сжимая пальцы на рукояти меча.

— Он сказал, что жалкой была твоя победа, — громко усмехается его брат.

— Ещё и слабак, — добавляет колдун, демонстрируя белоснежные зубы в наглой улыбке. Он складывает руки на груди, обнимая длинный посох.

— Ты жаден, — продолжает второй, игнорируя предупреждение. — Растянул своё время правления, вот и слабеешь.

— Возьми свои слова назад, брат, или обнажи меч!

— Пожалуй, меч, — хмыкает он и достаёт клинок.

Сходятся два брата в поединке за ребёнка, а колдун скупающе наблюдает за ними. Изредка поглядывает на девочку в корзинке, но та даже не просыпается, несмотря на шум и звон стали.

Когда бой чуть стихает, колдун подбрасывает ещё пару фраз, науськивая одного брата на другого. Бьются те, упорствуют, лелея задетую гордость. Колдун судорожно выпускает набранный воздух, словно это причиняет ему боль, но натягивает снисходительную улыбку каждый раз, стоит дерущимся взглянуть в его сторону. Предупреждают, чтобы не смел он к ребёнку подходить. Колдун же только руки насмешливо поднимает, наигранно признавая поражение.

Увлечены своей ссорой братья, да так, что не замечают, как на востоке светлеет небо, а понимают свою ошибку с первым лучом рассвета, скользящим по горизонту и возвещающим о конце нынешней ночи. Этот луч лишает их возможности забрать девочку, потому что по старому уговору имеют право они сделать это лишь до утренней зари. Мрачный смех длинноволосого разносится по округе, тревожа птиц на ветках.

— Что ты натворил, колдун?! — рычит первый, кто предъявил права на дитя.

— Я? — иронично переспрашивает тот, равнодушно пожимая плечами. — Отобрал вашу невесту.

Братья бросаются к корзине с девочкой, но колдун, перехватив свой посох, один раз бьёт верхней его частью по земле, и холодный воздух отбрасывает обоих далеко назад, а трава вокруг покрывается хрустящим инеем.

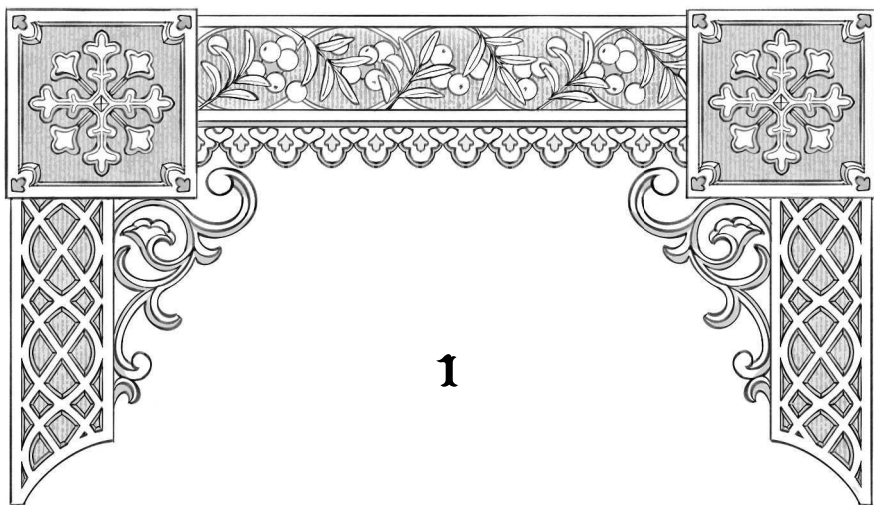

Средь княжеств, чуть ближе к северу, есть лес.
Весь гол стоит, осенний он, а сердце — чудо из чудес.
Буро-жёлтая листва опала, гниёт на чёрной земле,
Но в зимнем снегу живая вода застыла в хрустале.

Там лежит забытый снег Декабря, там морозы Января,
Коддун последний ходит там, среди метелей Февраля.
Ждёт ль кого-то? Хранит ли что-то? Иль мёртв давно?
Коддун как призрак бродит, а в глазах его белым-бело.

ИЗ СКАЗКИ О КОЛДУНЕ

1

ещё до моего рождения мама придумала мне имя. Назвала меня Яра, от слова «яркая». За неделю до моего появления она рассказала отцу, что видела сон о зиме. Рассказала о ярком, почти белом солнце, отражающемся от снежного покрова, что укрыл всё вокруг, делая мир ослепительно сияющим. Поэтому она решила, что если родится девочка, то назовёт меня Ярой и никак иначе. Но, похоже, только мама верила в уготованную мне яркую судьбу, потому что все остальные шепчут, что я, как проклятие, способна притянуть лишь чёрную ночь. Я склонна согласиться с ними, ведь зима не приходит уже сотни лет, и откуда маме было знать, как выглядит снег?

Будучи маленькой, я ничего этого не понимала, но через несколько недель мне исполнится восемнадцать, и нет смысла воображать, что меня ждёт особенная судьба.

В конце концов, это был сон о том, чего мама никогда не видела.

Аккуратно поправляю свой новый праздничный кокошник, подаренный отцом с утра. Мне бы не стоило надевать его сейчас, уже поздно, но сон не идёт и тяжело удержаться от примерки такой красоты.

Кокошник в виде невысокого венца, полукруглый, не скрывает затылок, как положено незамужней девице. Украшен белой парчой с золотыми нитями, а сверху — кружева и драгоценные камни. Одни белые, другие почти прозрачные, сверкают разными цветами, преломляя свет свечи. По краям висят рясны¹ из морского жемчуга, что в разы дороже речного, из которого у меня есть браслеты и украшения на шею. Мои чёрные волосы распущены, поэтому я не затягиваю ленты кокошника, чтобы закрепить его. Для начала стоит заплести косу.

Двум моим сёстрам отец подарил похожие головные уборы, но красные с золотом, потому что завтра сестрицы встретят своих возможных женихов. Мне же принёс белый, приговаривая, что такой подойдёт к моему наряду. Улыбаюсь при мысли о заботе отца, о том, что он подмечает такие детали, хотя и не должен этим заниматься. Для хлопот о моём наряде есть няня, портниха и сестрицы. Однако просить совета у последних я бы не стала.

— ...княжна!

Вздыхаю, осознав, что меня поймали, снимаю головной убор и убираю его в специальный сундук, слыша звук приближающихся шагов по деревянному полу.

— Княжна! — вновь хриплым шёпотом окликает Алёна — моя няня — и бесцеремонно распахивает дверь в мою комнату. Та открывается со слишком

¹ Украшения в форме подвесок, крепятся с двух сторон к головному убору. (Здесь и далее прим. авт.)

громким скрипом для столь позднего часа. — Давно пора спать, Яра!

Няня строгим взглядом осматривает меня с ног до головы, держа в руках подсвечник с горящей свечой. Она недовольно бормочет себе под нос, заметив, что я сижу за столом перед зеркалом в одной ночной сорочке, а деревянного пола касаюсь босыми ногами. Я виновато улыбаюсь, не зная, что возразить. Действительно, час уже поздний.

Я хоть и княжна, но привыкла за всё извиняться. За недостаточно мелодичный смех, за отсутствие сна, даже за цвет волос и за способность дышать. Хотя не мне контролировать подобные вещи.

— Неужели опять, Яра? — чуть мягче спрашивает Алёна. — Ты не дитя давно, неужели мне снова нужно тебе сказки на ночь рассказывать?

Мама умерла через три дня после моего рождения. Всё, что у меня осталось от неё, — это имя, чужие воспоминания да принадлежавшие ей украшения. Правда, последнее мы поделили с сёстрами поровну, и мне досталось серебряное кольцо с бирюзой да пара жемчужных браслетов. Алёна заменила мне мать. Она со мной рядом столько, сколько я себя помню. Поначалу я даже была уверена, что она и есть моя мама.

Сейчас Алёне за сорок, она немного набрала в весе, часами сидя со мной, пока я корпела над рукоделием, пытаюсь изучить искусство плетения кружева. Морщинки между бровями няни почти не пропадают оттого, как часто она

хмурится из-за меня. Карие глаза по-прежнему внимательны, но как много седины в её русых волосах, мне неизвестно — Алёна всегда скрывает их под головными уборами, как и должны делать все замужние женщины. У неё есть сын Игорь, ему уже шестнадцать, но шесть лет назад он тоже начал меня избегать, поверив рассказам своих новых друзей.

Рассматриваю сарафан Алёны и платок, повязанный вокруг головы. Кажется, она сама ещё не ложилась.

— А ты расскажешь, если я попрошу? — сдержанно улыбаюсь я, зная, что она вряд ли откажет, но для вида поупирается.

— Яра!

— Алёна! — в тон отвечаю я, но смеюсь скромно, как меня и учили, как подобает младшей дочери князя.

— Хорошо, ложись, непослушная княжна, будет тебе сказка, — наигранно громко вздыхает няня и ставит свечу на высокий сундук рядом с моей кроватью.

Я забираюсь в постель, заворачиваюсь в пуховое одеяло, и выражение лица няни меняется, становясь более расслабленным, она привычным движением пальцев распутывает мои волосы и быстро заплетает в свободную косу, чтобы за ночь они не спутались в колтуны. Волосы отросли до поясницы, и если я забываю их заплести на ночь, то наутро расчёсывать тяжело, а временами и вовсе больно.

Я терпеливо жду. Алёна обводит взглядом мою спальню. Узорчатый красный ковёр, закрывающий половину деревянного пола. Несколько массивных сундуков с одеждой, стол с украшениями и большим овальным зеркалом в позолоченной раме, другой стол для шитья. Расписные деревянные стены и ниша с большим окном, куда вставлена лавка с мягкими подушками, на которой я могу сидеть тёплыми вечерами.

Здесь чисто, я всё прибрала. Каждый день перед сном я убираю любой образовавшийся беспорядок: складываю одежду в сундуки, аккуратно расставляю несколько книг, что отец мне привёз из других княжеств. Собираю украшения и всё кладу строго по своим местам. Няне не к чему прицепиться или отругать меня, но, оглядывая этот идеальный порядок, она выглядит скорее несчастной, и я не понимаю почему.

Прибирать за собой стало одной из моих привычек, дабы остальные не считали меня бесполезной, не могли сказать, что я действительно приношу беды и проблемы. Так же я поступаю во всём остальном: не нарушаю правила, прилежно учусь и часами тружусь над вышивкой, хотя шитьё навевает на меня тоску. Время от времени пеку отцу его любимые пироги с капустой, проводя на кухне больше времени, чем любая из моих сестёр. Не создаю шума или каких-то неудобств, не злюсь и не препираюсь, не прыгаю через костры в праздники, не убегаю летними ночами с другими ребятами на речки и озёра. Однажды Алёна сказала, что в этот список можно добавить и то, что я совсем не живу.

У няни доброе сердце, мало кто относится ко мне с подобной теплотой. Разве что отец. В его любви я не сомневаюсь, и кажется, что он один такой. Любит меня, несмотря на все знаки судьбы, несмотря на то что моё рождение убило его драгоценную жену.

— Какую историю ты хочешь, Яра? — прерывает мои мысли няня.

— Только одну?

— Одну, — отрезает та, но я сдержанно улыбаюсь, зная, что вряд ли она опять откажет, если позже я попрошу вторую.

— Расскажи про месяцы. Расскажи, куда ушла зима.

— Зря твоей матушке приснился тот сон, — цокает языком Алёна. — А ты, не знай его, не забивала бы себе голову этими сказками.

— Это просто сказки, — соглашаюсь я. — Поэтому и нет ничего плохого в том, чтобы их слушать. Или у тебя есть другие интересные истории? Может, про колдуна в лесу?

— Нет уж, лучше про месяцы. Про колдуна слушаешься и совсем спать не будешь, — возражает няня и поправляет моё одеяло.

Хоть зима и не придёт, но осенний ветер настойчиво лезет в щели окна, охлаждая комнату, а ноябрьская погода будет стоять не один месяц, а целых четыре.

— Жили-были двенадцать месяцев, — начинает Алёна. Эта история мне отлично знакома, но я всё равно улыбаюсь, предвкушая. — Двенадцать братьев, что ступали на землю каждый в своё время, создавая полноценный круговорот года. Весенние братья — очаровательные, задорные мальчишки, прямо как младшие братишки. Рождённые весной одарены везением, веселы и жизнерадостны. Месяц Март — юный да самый радостный после снежного Февраля, а в смехе рождённых под его покровительством можно различить звон весенних ручейков. За ним идёт красавец Апрель, приносящий долгожданную зелень и первые цветы, ну а Май грохочет, сверкая молниями иногда, но нежен и свеж с ароматом сирени. Весенние братья — добрые, щедрые на тепло и ласку солнечных лучей, но и непоседливые. Особенно Март да Апрель. Поговаривают,

что в старые времена могли забыть они о делах своих и тогда случался весенний снегопад.

Няня улыбается, слыша мой смешок.

— Летние месяцы — словно верные друзья, шумные и бесстрашные, потому что солнечных лучей так много, а дни столь длинны, что не поселиться сумраку в человеческих сердцах. Не успевает мрак забраться в души людские, а черти высунуть носы со своих болот, как наступает новый рассвет и все тревоги тают под теплом Июня. Июль же всех тянет купаться, а ароматы фруктов столь сильны, что сам воздух сладок. Август одаривает золотом пшеничных полей да красными закатами, а корзины наши полны еды.

Как и всегда, прикрываю глаза на этом моменте, представляю летних братьев. Мои старшие сестрицы родились в тёплые месяцы. Мира — в апреле, а Василиса — в июне с разницей в два года. Старшей Василисе сейчас двадцать два, а Мире прошедшей весной исполнилось двадцать. При их рождении всю светило солнце и благоухали цветы, может, поэтому месяцы одарили их красивой внешностью? Волосы золотые, как если бы в них вплели солнечные лучи, глаза у обеих зелёные, как свежая листва, а губы насыщенного красного оттенка, будто спелая клубника. Не будь у меня таких сестёр, я бы вряд ли легко поверила в поговорку о том, что самые красивые девушки рождаются весной и летом.

О весенних и летних юношах говорят почти то же самое, но няня часто напоминает мне остерегаться их внимания. Улыбчивые они, сме-

лые и обаятельные, но вместе с этим беспечны и переменчивы в своей влюблённости.

— Следом за летней жарой приходят три осенних брата — добрых молодца, — улыбается Алёна, убирая прядь волос с моего лица. — Услада для глаз и настоящие кормильцы, что продолжают одаривать людей богатым урожаем, который помогает нам дожить до весны. Сентябрь красит пейзажи распустившимся вереском, а в воздухе разливаются запахи свежих пирогов с абрикосами. Октябрь сверкает золотом листвы и горит как яркий огонь, а Ноябрь страж последний. Из года в год неустанно сдерживал он приход Декабря, под богатый листопад и запах чернозёма после дождя. Именно в эти осенние месяцы рождаются идеальные будущие мужья. Отважные, благородные, верные.

— Думаешь, это правда? — не сдержавшись, фыр-каю я.

— Ещё какая! Мой муж — Иван, благословлён Сентябрём! Думаешь, я просто так высчитывала, чтобы и Игорь наш появился на свет осенью?! Не смейся над месяцами, княжна, не к добру это.

Я замолкаю, пряча скептическую улыбку под краем одеяла. Алёна замечает мою гримасу и возмущается пуще прежнего:

— А князь наш, батюшка твой! Тоже осенний! Хочешь сказать, что не верен он и не благороден?!

Моя улыбка вянет. Тут нечего возразить. Отец действительно достойный князь, заботливый и щедрый.

— И к сестрицам твоим едут рождённые в октябре да ноябре! Уверена, что сильные и великодушные приедут молодцы, как и полагается. Достойные мужья для княжеских дочерей, — ещё больше распаляется Алёна. Она, как и большинство, верит в благосклонность ме-

сяцев и их связь с рождением. Искренне считает, что те одаривают каждого ребёнка чем-то особенным.

— А что же зимние месяцы? — перевожу я тему.

— Зимние братья... мрачные, вспыльчивые и холодные. В их ночи поджидала смерть, а солнце с трудом боролось против их сумерек, поднимаясь из-за горизонта на жалкие часы. Никакой красоты или света не было в период царствования зимних месяцев.

— А как же северное сияние?

— Небылицы это, Яра. Откуда же в чёрном небе взяться полотну зелёных оттенков, что вьётся как ленты? Как это вообще, можешь ли ты представить, маленькая княжна? — насмешливо спрашивает Алёна, покачивая головой.

Я расстроено сжимаю губы, не зная, как должно выглядеть северное сияние. Не представляю, зачем я вновь заикнулась об этом, хотя заранее знала, что няня так отреагирует. Всё, что мы знаем о зиме, — это рассказы, переданные из уст в уста, да легенды из книг, почти что сказки. Узнать, что там правда, а что ложь — невозможно, потому что зимы давно нет.

— Не оставляли зимние братья никакой жизни после своего прихода, уничтожали всё, что не успевало спрятаться или сбежать от метелей их. Царствовали ночь и мороз целых три месяца, а худший из них — Декабрь. В старину, из года в год, стоило только Ноябрью хоть немного ослабить защиту, как Декабрь незамедлительно укрывал весь мир белым снегом. Веками боролся Ноябрь со старшим зимним

братом, но как бы ни сопротивлялся, всегда отступал, так как шли впереди Декабря его колдуны — дети, рождённые в период его царствования.

— В это ты тоже веришь? — тихо перебиваю я. — Что в декабре рождаются колдуны?

— Не важно, верю я или нет. Это чистая правда, — серьёзно кивает няня.

— Значит, обо мне ты думаешь...

— Нет! — отрезает Алёна. — Мы-то знаем правду о тебе, Яра! Я глазами своими видела, ушами всё слышала. Много нас было! Весь княжеский двор не спал, время отсчитывая. Знаешь же, что петух в первый раз кричит через час после полуночи, следом жаворонки в два часа и иволги в три часа ночи. Ты родилась, а мы всю ночь до рассвета наблюдали, чтобы время высчитать! Ноябрьская ты, Яра, а других не слушай! Родилась ты близко к полуночи между последним днём ноября и первым декабря. Да и Декабрь это признал, не тронув тебя. Оставил единственную в лесу, поэтому смог князь наш тебя домой забрать.

— А волосы мои? Это не доказательство?

— У детей осени бывают тёмные волосы.

— Каштановые, что горят на солнце как октябрьская листва, Алёна. У меня же чёрные! Даже под солнцем отливают разве что синим, — скептически парирую я. — Мама была, как и сёстры, светловолосой, у отца русые. Откуда у меня волосы чёрные, как ночное небо?

— Это всё проказы Декабря, пытался он к тебе, княжна, свои холодные руки тянуть, но отбил тебя Ноябрь себе, — тут же находится с ответом Алёна. — Глаза-то твои серые, как и у матери, нечего о глупостях размышлять, Яра. Ноябрь тебя защищает.

Больше я не спорю. За прожитые годы мне встречались те, кто верит, что младшая дочь их князя родилась в последние секунды ноября. Видела и тех, кто, заметив цвет моих волос, отходил подалее, в уверенности, что это ложь. По легендам, дети, рождённые в зимние месяцы, всегда отмечены чёрными волосами и бледной кожей, не способной загореть даже летом. Рождённые в декабре считаются особенными — тёмными кодунами с голубыми глазами. Столь светлыми, что напоминали полупрозрачный лёд. Рождённые в январе и феврале тоже обладают чёрными волосами, но глаза их другие. У январских — насыщенно-голубые, как ясное небо, а у февральских — синие, как глубокое озеро. Мои же глаза действительно серые, как у мамы. Достались они ей от грозных дней Мая, в период которого она родилась.

Алёна замечает моё смятение и продолжает рассказ, отвлекая от раздумий:

— После Декабря следующим шёл Январь. Месяц, сковывающий всё своим морозным дыханием. В его время солнце хоть и светило, но светом белым, будто потерявшим всё тепло. Однако если Декабрь и Январь весенним братьям было не победить, то Февраль, хоть и лютый метелями своими, но короткий самый и слабый. Всегда отступал он под напором Марта, а люди помогали как могли: жгли костры и зажигали свечи, чтобы вокруг было как можно больше света и тепла. — Голос Алёны вновь становится бодрее, словно она рада, что разговор о зиме подходит к концу. — Так и ходили по кругу двенадцать месяцев, двенадцать братьев. Весенние,

летние и осенние создавали, а зимние ломали и убивали, а затем всё сначала. Из года в год, век за веком. Однако три сотни лет назад устали от этого бесконечного круговорота осенние добры молодцы. Выступили они против Декабря, решив, что если тот не придёт, то и с Январём и Февралём удастся совладать. И понял Ноябрь, что нужно разобраться с колдунами, и тогда не выстоять Декабрю. Одолел Ноябрь колдунов, а потом и самого страшного зимнего брата поверг, прекращая круговорот разрушений. Не пришла в тот год и во все последующие зима, не выпало с тех пор ни снежинки. Хотя мы и продолжаем называть зимний период по месяцам трёх зимних братьев, но на самом деле в их время продолжает царствовать погода Ноября, самого отважного и единственного, кто смог одолеть холодного брата своего. Подарил Ноябрь всем людям возможность не бояться смерти в пурге длинными зимними ночами. Так что не оскорбляй Ноябрь своим сомнением, самый сильный месяц тебя хранит, княжна.

— Как же Январь и Февраль? Их он тоже убил?

— Может, и убил, а может, они бежали на самый север и спрятались там, далеко, где и люди не живут. Ни один из них не приходил с тех пор, как пал брат их старший.

— Но ведь один колдун в лесу...

— Ш-ш-ш! — Алёна грубо закрывает мне рот шершавой ладонью. — Не упоминай и не зови колдуна по имени, когда тёмная ночь на дворе, а время Декабря так близко!

С трудом отнимаю руку няни от лица, удивляясь страху в её глазах.

— Я и не знаю его имени. Никто не знает, — недовольно ворчу я.

— И лучше не знать. Имя это ничего, кроме беды, не принесёт.

Я недовольно дуюсь, а Алёна хмыкает, лишний раз подталкивая одеяло мне под самый подбородок, будто я совсем маленькая и меня нужно закутать.

— Но разве Ноябрь действительно убил Декабрь?

— Почему ты сомневаешься?

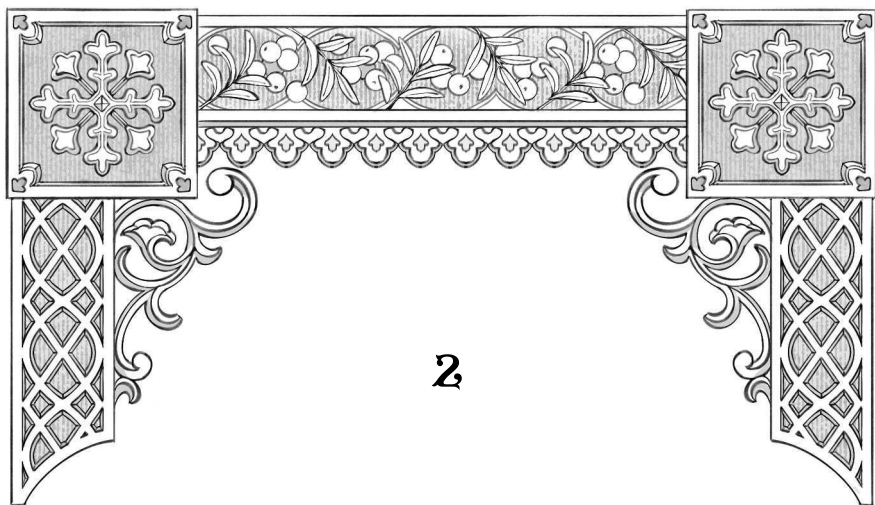
— Ведь зима всё ещё существует в сердце леса, что чуть севернее нас. Среди елей в самой середине, говорят, всегда снегом всё укрыто.

— Проклят тот лес, Яра! Происки последнего колдуна! А земля там, конечно же, мертва, ведь именно там осенние братья одержали победу над Декабрём. К несчастью, отмечено то место порчей. И даже если Декабрь по-прежнему жив, то ослаблен настолько, что нам более не страшен.

Киваю, непроизвольно переводя взгляд в окно, хотя до границы того леса почти день пути пешком, и видеть его отсюда я никак не могу.

— Спи спокойно, княжна, — успокаивает меня Алёна. — Не пришла зима в прошлые годы и в этом не придёт. Не бойся духа Декабря, не дотянуться ему до тебя через защитника твоего — Ноября.

2

К

ак и всем остальным, мне стоило бы бояться трёх зимних братьев. Стоило бы содрогаться при мысли о пурге и метелях, о морозах и смерти в снегах. И всё же я недоумеваю, как можно бояться того, чего не знаешь, того, что не видел своими глазами и не ощущал на коже.

Нехотя открываю глаза от очередного надрывного вопля петуха. Он орёт уже минут пять, напоминая о приходе нового дня.

Каждую ночь, наслушавшись сказок о двенадцати месяцах, я жду, что мне приснится зима, и я увижу тот же сон, что видела мама. Но сколько бы я ни старалась, ни жмурилась и ни воображала, дальше опадающей золотой листвы Октября и голых ветвей с гроздьями красных ягод Ноября мне не удаётся что-либо разглядеть. Вновь жмурюсь, надеясь вернуться в прерванный сон, но сдаюсь из-за новых криков петуха.

К вечеру должны прибыть гости — молодые князя из северного Истрогского княжества. Останутся у нас на неделю, в течение которой будет принято решение о свадьбах. Вспомнив, что князей всего двое, я расслабленно разваливаюсь на перине. Моё время искать жениха ещё не пришло. Об Истрогском княжестве мне известно мало, дальше родного Ренска я не выезжала. Отец боится своих дочерей далеко отпускать, да и причин для путешествия в Истрог у меня не было. Говорят, город тот красив и богат, а братья-князя там статные и достойные, поэтому отец и выбрал их в качестве будущих женихов для Миры и Василисы.

Выбираюсь из тёплой кровати, умываюсь холодной, с вечера приготовленной водой. Надеваю длинную нижнюю рубашу, а сверху простой синий с голубым сарафан, подвязываю его вокруг талии толстой лентой, а ноги обуваю в высокие сапожки. Задерживаюсь на несколько минут, чтобы расчесать волосы и заплести в косу.

— Наружу соберёшься — надень кафтан с мехом, Яра! Ноябрь нынче не весел, — окликает отец, когда я спускаюсь на первый этаж.

Отец мой — Дарий, князь ренский — сидит за массивным деревянным столом, пока перед ним несколько слуг и повариха раскладывают завтрак. Здесь и каша с овощами, и свежеспечённый хрустящий хлеб с сыром, творог да горячий сбитень¹ в самоваре. Я сажусь на лавку

¹ Сбитень — горячий напиток, сваренный из мёда, пряностей и трав. Употребляли в холодный период.

напротив, и отец улыбается в густую бороду. Волосы его отросли и прикрывают уши, но я не предлагаю их подстричь, сейчас холод начнётся, лучше укоротить весной. На нём белая рубашка-косоворотка, расшитая красными узорами и подвязанная поясом, чёрные штаны, заправленные в высокие сапоги из красного сафьяна, украшенные золотыми нитями. Неподалёку лежит дорогой кафтан из чёрной парчи. Отец уже нарядно приоделся, готовый встретить гостей, если те раньше положенного нагрянут.

— Где Мира и Василиса? — спрашиваю я, оглядывая пустые места сестёр. Этот стол рассчитан ровно на нас четверых.

— Кажется, спят ещё сестрицы твои, — усмехается отец. — Пусть спят. Перед женихами отдохнувшими появятся.

Я согласно киваю и благодарю повариху, когда она и передо мной ставит миску с кашей. В животе урчит от аппетитного запаха, я беру ложку и приступаю к трапезе. Отец пристально наблюдает, улыбается, провожая взглядом каждое моё движение руки. Из-за слухов на меня часто смотрят, поэтому я научилась притворяться, что не замечаю внимания.

— Может, мне и тебе пора найти жениха?

Я едва не выплёвываю набранную в рот кашу прямо на стол перед отцом. Сжимаю губы и с трудом проглатываю еду, та камнем падает в желудок. Следом за растерянностью приходит желание воспротивиться или усмехнуться подобной идее. Разве найдётся глупец, готовый взять в жёны «без нескольких секунд декабрьскую колдунью»? Сдерживаю порыв, зная, что не должна такого говорить.

— Вряд ли я кому-то подойду, — аккуратно отвечаю я, медленно опустив ложку обратно на расписную скатерть. — С моими волосами...

— Конечно, подойдёшь! — моментально реагирует отец, возмущённо повышая голос. — Да если я объявлю, что моя младшая красавица-дочка ищет жениха, так сразу все князья, от старого до самого молодого, от Израньского до северного Поленского княжества в очередь выстроятся! А те, что уже имеют жён, своих сыновей-княжичей приведут! — Лицо отца краснеет, отражая нахлынувшие эмоции.

При любых упоминаниях о моей возможной связи с Декабрём князь приходит в негодование и воспринимает такие намёки как личное оскорбление. Все на княжеском дворе знают об этом и предусмотрительно помалкивают, но будут ли другие князья должным образом подбирать слова, отправляя письма с отказами?

Отец слишком сильно опускает руку на стол, отчего подпрыгивают миски с едой.

— Это они должны быть достойны! Днями будут у меня ждать решения, а выбирать я буду придирчиво. Особенной невесте — особенного жениха!

Прячу улыбку, отпивая сбитень из кружки. Мне приятна уверенность отца, но временами кажется, что он абсолютно слеп во всём, что касается меня. Князь не замечает, как перешёптываются жители Ренска, когда я прохожу, как отводит взгляды большинство бояр, даже дети наших слуг подросли и начали меня избегать, понимая, что к чему. А сёстры и вовсе меня никогда не любили, скорее ненавидят за

то, что мама умерла, родив меня. Винят в её смерти, но перед отцом скрывают свою нелюбовь, ну а я помалкиваю об этом, не желая его расстраивать. Пусть верит в нашу дружную семью, это его отрада после потери любимой жены.

Не сторонятся меня те, кто близко узнал: няни, учителя да женщины на кухне. И наша дружина, но они всегда с оружием, нет смысла им бояться кого-то вроде меня.

— Я не шучу, Яра, — говорит отец, заметив, что я не воспринимаю его слова всерьёз. — Вплети ленту в косу.

— Нет, — ошарашенно лепечу я и возвращаю кружку на стол, боясь всё расплескать из-за внезапной слабости в пальцах. — Ты же это несерьёзно!

— Серьёзно, дочь, — строго говорит он. — Я немолод. Здоровье меня подводит в последние годы. Я хочу уйти со спокойной душой, без страха за тебя и твоих сестёр. Будь у меня хоть один сын, я бы оставил эту заботу ему, но братьев у тебя, Яра, нет.

— Отец, мне не нужен жених! И ещё слишком рано! А сёстры?! Если я вpletу ленту перед встречей с их женихами, то что же будет?! — сбиваюсь с мысли, прыгаю с одного довода на другой, стараясь убедить отца. — Они и меня начнут рассматривать как претендентку? А Василиса и Мира, отец... каково станет сёстрам? Ты ведь обещал им!

Да и мне жизни не будет, как только я заявлюсь на праздник с лентой в косе — знаком, что девица на выданье и ищет жениха. От этой мысли меня передёргивает, но последнюю горькую правду проглатываю, не озвучив.

Ранее отец никак не намекал о возможной свадьбе, столь внезапная перемена пугает, я не готова к такому

повороту и не знаю, как его отговорить. Не подготовила нужных аргументов.

— Я могу сама о себе позаботиться и о тебе! Можем жить вместе, отец, к тому же одна из сестриц с мужем своим точно останутся с нами, в Ренске.

Отец терпеливо выжидает, пока у меня иссякнет воздух в лёгких или причины, которые я наспех могу найти. И как бы я ни пыталась, но мои доводы заканчиваются немилосердно быстро.

— Я хочу лично удостовериться, что твоим мужем станет достойный человек, Яра. Сёстрам твоим это никак не помешает. Князьям истрогским я обещал руки старших дочерей, на тебя уговора не было. Не трать больше дыхания, я всё решил. С этого дня ты будешь вплетать ленту в косу.

Протяжно втягиваю носом воздух, готовая упрямиться дальше. Отец хмуро смотрит мне прямо в глаза, выжидает, а я на какое-то время замираю, задержав дыхание. С удивлением отмечаю, что зелёные глаза князя поблёкли, под ними появились тёмные круги, на лбу три глубокие складки, а щёки немного впали. *С каких пор он так выглядит? Почему такой усталый?*

— Яра, ты меня поняла? — прерывает мою мысль отец.

Шумно выдыхаю, ощутив жжение в груди.

— Поняла, — мямлю я, внезапно растеряв все силы. — Только...

— Только что?

— Не говори сёстрам до вечера об этом, хо-рошо? Я вплету ленту, но чуть позже.

— Хорошо. Я сам с ними поговорю перед приездом женихов. Но ты сделай, как я велел. Может, с гостями к нам и другие князя приедут.

Сдержанно киваю: пока бессмысленно возражать отцу, но, может, через пару месяцев бесполезных поисков его пыл немного угаснет. Мы заканчиваем завтракать вдвоём, прерываясь на обыденные разговоры о погоде и делах, отец делится, что осведомлён, что я опять не спала допоздна, заставляя Алёну рассказывать сказки, а потом интересуется, понравился ли мне подаренный кокошник.

Наш завтрак прерывает ключник¹, докладывает, всё ли готово в усадьбе к приёму гостей, напоминает о необходимости обсудить траты. Отец целует меня в лоб и уходит решать проблемы, а я надеваю бледно-голубой кафтан, украшенный серебряной нитью и мехом, и выхожу из дома, не желая лишний раз сталкиваться с сёстрами.

Оказавшись на дворе, вдыхаю утренний ноябрьский воздух, пахнувший влажной землёй, и быстро оглядываю хоромы². Как мне говорили, княжеский двор Ренска не самый богатый, а терем не самый просторный, но территория у нас обширная и обнесена стеной. Всё построено из добротной древесины, выкрашенной в приятные цвета, и щедро отделано изысканной резьбой. Местами даже металлические и позолоченные украшения имеются, а благодаря умелым мастерам резные наличники на окнах получились редкой красоты. Наш терем высотой в четыре этажа, и

¹ Человек, отвечающий за продовольственные запасы. Владеет ключами от хранилищ.

² Хоромы — это весь комплекс: жилые и служебные помещения, соединённые переходами. Главное здание в хорамах — это «терем» (княжеский дом).

там достаточно комнат для всей семьи и наших нянь. Есть отдельные постройки для нескольких приближённых бояр и для гостей, амбар, хлев, бани, казармы и конюшня. Именно туда я и направляюсь, озираясь по сторонам, чтобы проверить, наблюдает ли кто-нибудь за мной. К счастью, большинство занято приготовлениями внутри помещений, а если мимо и пробегают слуги или проходят дружинники, то им дела до меня нет.

— Опять крадёшься, княжна?

Я подсакиваю от намеренно громкого возгласа Ильи. Он смеётся, пока я растерянно верчу головой, пытаясь найти парня в полумраке конюшни. Тот выходит на свет, чтобы я заметила. У него в руках вилы, он приветствует меня кивком и возвращается к работе, перекидывая сено в специальное деревянное корыто.

— Неужто помочь пришла, княжна? — вновь иронизирует Илья, демонстративно оглядывая мою чистую одежду.

Я улыбаюсь, поглаживая морду гнедого коня, который всё намеревается меня обнюхать в поисках чего-нибудь съедобного.

— Тебе помощь не нужна, ты и сам отлично справляешься, — отмахиваюсь я.

— А ты попробуй помоги, вдвоём справимся ещё лучше, — парирует он, быстро утирая пот со лба.

Илья старше меня на два с половиной года, и он единственный, с кем мне удалось сдружиться. Его отец — Ярослав — один из доверенных бояр и верный друг моего отца, служит советником и одним из воевод. Старший брат

Ильи — Олег — во всём помогает отцу. В этом году его сделали главой стражи княжеского двора. Ярослав и младшего сына обучил военному делу, но полтора года назад они повздорили из-за чего-то, и Ярослав отправил Илью работать у нас на конюшне. Любого боярского сына такое поручение оскорбило бы, а Илья, наоборот, принялся работать с усердием и присущим ему упрямством, лишь бы отца переспорить.

При нашей первой встрече Илье было десять, для своего возраста он выглядел низким и слишком худым, из-за чего многие дети его задирали, а в драках он всегда проигрывал. Однажды я увидела, как несколько тринадцатилетних парней издевались над ним. Не знаю, что на меня нашло, но я схватила в пригоршню высокую сорняковую траву, дёрнула, вырывая с землёй, и швырнула в голову самому здоровому парню. Травы и грязь попали ему прямо в лицо. Затем я вырвала ещё несколько пучков и швырнула в остальных, крича, чтобы они убирались. Те сразу удрали, но не из-за того, что я княжна, и тем более не из-за моего крика, а просто знали, что я «почти декабрьская колдунья». Этот слух множество раз опровергали мой отец-князь, повитуха, няни и наши домочадцы, однако чёрные волосы всех пугали. Мне тогда не было и восьми, но любые малолетние задиры предпочитали со мной не связываться.

Тот же Илья мог подняться и убежать сломя голову, но он остался. Не поблагодарил даже, а вздёрнул испачканный подбородок, потому что ранее упал прямо в грязь. Парень рассмотрел меня, как диковинное животное, и спросил, правда ли, что всё, что я говорю, приносит порчу, и есть ли у меня хвост, как у болотного чёрта.

Те драчуны оказались боярскими сыновьями, и позже от отца мне крепко досталось, однако я ни разу не пожалела, что встряла.

Тогда мы с Ильёй были одного роста, а теперь он на полторы головы выше. Крепким стал благодаря тренировкам с отцом и братом, так что никто более не смеет его задирать. Весенний он, мартовский. Поэтому, наверное, весёлый такой, глаза насыщенно-синие. Да настолько, что при взгляде в первый раз я сама испугалась, будто глаза у него февральские. Хотя у рождённых весной голубые глаза — обычное явление, но синие я встретила впервые. Светло-русые волосы густые, уже почти до плеч доросли и вьются немного.

Воздух в конюшне стоит прохладный, но на Илье только штаны, заправленные в высокие чёрные сапоги, и подпоясанная тёмно-серая рубаша с закатанными рукавами. Щёки его покраснелись от работы.

Характер у Ильи прямой, что думает, то и говорит. Будучи спасённым мной, в долгу не остался и стал мне другом. Тоже не сразу, ещё спустя год нашёл меня рыдающей в этой конюшне. В то время я тяжело переносила сплетни, передаваемые шёпотом за моей спиной. Илья успокоил меня, выслушал и ни разу не высмеял. Тогда поняла я, что любые невзгоды легче переносить, если кто-то выслушает, а затем посмеётся вместе с тобой над незначительностью слов каких-то незнакомцев. Рядом с Ильёй я не скрываю своего характера и не притворяюсь спокойнее или лучше, чем есть.

